

МАЛЬКОВА Ирина Юрьевна

**ГРАБЕЖ:
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ,
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ**

12.00. 08. – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов 2009

*Работа выполнена
в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального
образования «Саратовская государственная академия права»*

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
РЫБАК Михаил Степанович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
МАЛЬЦЕВ Василий Васильевич

кандидат юридических наук, доцент
ДОСЮКОВА Татьяна Викторовна

Ведущая организация — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Мордовский государственный университет»

Защита состоится « 1 » апреля 2009 г. в 12.00. часов на заседании
диссертационного совета Д-212.239.01 в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по
адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Государственного
образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская
государственная академия права».

Автореферат разослан « » февраля 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.Д. Холоденко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Собственность – одно из важнейших благ, защита которого входит в число первоочередных задач уголовного закона, ибо «...где нет собственности, там круг общественных отношений едва движется» (И.П. Пнин).

Современная криминогенная обстановка свидетельствует о серьезной проблеме в сфере данных общественных отношений. Преступления против собственности – самые распространенные в России. Так было и при социализме, так продолжает оставаться и в период господства рыночной экономики. В частности, в 1989 г. разбои, грабежи, кражи и другие хищения достигли двух третей общего количества преступлений, а их темпы роста превысили 60 – 75%¹.

По данным МВД РФ, в 2005 г. в России зарегистрировано 3 554,7 тыс. преступлений. Из них более половины (55,7%) составили хищения чужого имущества (совершенные путем грабежа – 344,4 тыс. (+37,0 %) преступлений). В 2006 году вновь наблюдался рост преступности, хотя темпы его прироста существенно снизились: всего по России было зарегистрировано 3855,4 тыс. преступлений (+8,5 %). Более половины (54,3 %) всех преступлений также приходилось на хищения чужого имущества (грабежей совершено 357,3 тыс. (+3,7 %)). В 2007 году отмечено некоторое сокращение числа зарегистрированных преступлений (однако не следует забывать о высоком уровне латентной преступности), оно составило 3 582 541 (-7,1%), из них грабежей – 295 071 преступление (-17,4 %)².

Данная закономерность находит проявление и в отдельно взятых регионах страны. Например, на территории Саратовской области в 2005 году было зарегистрировано 53 939 преступлений, из них – 4 848 грабежей, в 2006 году общее количество преступлений составило 56 276, в том числе – 5 109 грабежей, в 2007 году аналогичные показатели были следующие: 49 132 и 3 916 (сведения Информационного центра ГУВД Саратовской области).

Государственная политика в сфере борьбы с корыстными посягательствами не только не отличается стабильностью, но и весьма противоречива. Об этом, в частности, свидетельствует достаточно частое изменение на законодательном уровне понятий мелкого, влекущего административную ответственность, и уголовно наказуемого хищений. Данное явление сопровождается то процессом декриминализации широкого круга

¹ См.: Преступность и правонарушения в СССР: Статистический сборник. 1989.М., 1990. С. 64.

² См.: Краткий анализ состояния преступности. 2005. 2006. Общие сведения о состоянии преступности. 2007 // <http://www.mvd.ru>

деяний, то, наоборот, их криминализации. Это подтверждают Федеральные законы от 31 октября 2002 г. №133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и от 22 июня 2007 г. №116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение».

Таким образом, корыстная преступность то искусственно сокращается (в частности, за счет хищений), то также искусственно преумножается. В свете последних законодательных новелл следует ожидать значительного роста уголовно наказуемых хищений. Свое негативное влияние окажет и экономический кризис.

Одно из основных направлений современной уголовно-правовой политики – углубление дифференцированного подхода к ответственности лиц, совершивших преступления, ибо, как показала история, ужесточение уголовного наказания, равно как и излишняя либерализация, не приносят ожидаемых результатов – реального снижения уровня корыстной преступности. В то же время многие санкции, в частности за грабеж, до сих пор продолжают оставаться безальтернативными, а следовательно, не имеют промежуточного звена, позволяющего дифференцировать ответственность и индивидуализировать уголовное наказание.

Вместе с тем в 2000 – 2006 гг. на уровне правоприменения тренд сделан в сторону смягчения ответственности. Об этом свидетельствует высокий процент условного осуждения в системе мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших грабежи (например, в Саратовской области в 2006 г. он составил 55,8%).

Научное исследование проблемы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж обусловлено также систематическим реформированием уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности и вместе с тем недостаточным вниманием законотворческих органов к нормам об ответственности за грабеж, о чем свидетельствуют вышеназванные нормативно-правовые акты, а также Федеральные законы от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» и 30 декабря 2006 г. №283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Важно отметить и то, что в уголовно-правовой теории ряд вопросов квалификации грабежа продолжают оставаться дискуссионными; в правоприменительной деятельности они также решаются неоднозначно, имеют место серьезные ошибки.

В связи с интеграцией России в мировое сообщество особое значение приобретает познание зарубежного опыта борьбы с различными разновидностями преступлений, в том числе и корыстными, к которым принадлежит грабеж.

Сказанное свидетельствует о том, что изучение проблем дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания за грабеж, квалификации данной разновидности преступлений требует пристального внимания теоретиков и подтверждает актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. Проблемы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж, квалификации данных преступлений рассматривались в рамках общих проблем ответственности и ее дифференциации за преступления против собственности в целом, квалификации корыстных преступлений против собственности, хищений, криминологической и правовой обоснованности составов ненасильственных преступлений против собственности, ответственности за имущественные хищения, сопряженные с насилием, в научных трудах таких авторов, как: А.Г. Безверхов, А.И. Бойцов, В.В. Векленко, Г.В. Верина, В.А. Владимиров, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, С.А. Елисеев, В.В. Ераксин, А.А. Жижиленко, А.Н. Игнатов, С.М. Кочои, Г.А. Кригер, Г.Л. Кригер, А.Н. Круглевский, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, В.В. Мальцев, А.А. Пинаев, В.И. Плохова, А.П. Севрюков, С.И. Сирота, Д.Тальберг, И.С. Тишкевич, И.Я. Фойницкий, В.И. Холостов, А.В. Шульга, В.И. Ярмолик и др.

Не умаляя научной глубины и значимости работ указанных авторов, необходимо заметить, что в течение длительного времени в уголовно-правовой теории обособленных исследований проблем уголовной ответственности за грабеж было крайне мало. В частности, в 1976 г. была опубликована монография В.А. Владимирова и В.И. Холостова «Ответственность за грабеж и личность грабителя». Отдельные аспекты проблем уголовно-правового регулирования и противодействия грабежу представлены в кандидатской диссертации Е.О. Щербаковой, подготовленной по материалам Южного федерального округа (Краснодар, 2008).

Автономное монографическое исследование проблем дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания за грабеж не проводилось в отечественной уголовно-правовой теории.

Преступность – явление мобильное, быстро приспособляющееся к изменению социально-экономических условий жизни, находящее новые формы проявления в условиях экономического кризиса.

Поэтому считаем своевременным изучение различных аспектов многогранной научно-прикладной проблемы уголовной ответственности за грабеж, и в частности, аспекта дифференциации ответственности и индивидуализации уголовного наказания.

Цель диссертационного исследования состоит в монографическом изучении феномена дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж в российском уголовном законодательстве с точки зрения истории и современности.

Достижение указанной цели обеспечивается постановкой и решением следующих **задач**:

- выявить исторические корни и проследить эволюцию понятия грабежа в российском законодательстве;
- исследовать современное состояние проблемы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж в российском уголовном законодательстве, теории и практике;
- изучить правоприменительную практику квалификации грабежа с целью выявления типичных ошибок и разработки рекомендаций по их устранению;
- изучить зарубежный опыт борьбы с открытым завладением чужого имущества;
- определить пути дальнейшей дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж;
- выработать предложения по совершенствованию российского законодательства об ответственности за грабеж.

Объект исследования – уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением грабежей, и дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация уголовного наказания за данные преступления.

В качестве **предмета** диссертационного исследования выступают исторические корни и особенности развития феномена дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за грабеж в отечественном законодательстве, современное состояние данной проблемы в российском и зарубежном законодательстве, возможные пути ее решения, отдельные проблемные аспекты квалификации грабежа.

Предметом исследования также явились нормативно-правовые акты досоветского, советского и постсоветского периодов развития Российского государства, нормативно-правовые акты ряда зарубежных государств, научные концепции, судебная практика, данные официальной статистики Верховного Суда РФ, Министерства внутренних дел РФ, Главного управления внутренних дел Саратовской области, Управлений федеральной службы исполнения наказаний по Саратовской области и Республике Мордовия, результаты экспертных опросов ученых-юристов и практических работников (судей и следователей).

Методологической основой диссертационного исследования служит система философских воззрений, в том числе диалектический метод познания, обеспечивающих научный подход к изучению различных явлений и процессов общественной жизни как познаваемых и находящихся в постоянном развитии.

Автором применялись также историко-правовой, формально-догматический, системно-структурный, сравнительно-правовой, логико-семантический, грамматический, конкретно-социологический, аналитический, статистический и другие методы научного исследования.

Теоретической основой диссертации являются труды отечественных и зарубежных ученых в области философии, истории, уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии, гражданского права, среди них: А.И. Алексеев, Л. Асталош, К.И. Батыр, Ю. Бардах, А.Г. Безверхов, А.И. Бойцов, Ю.И. Бытко, В.В. Векленко, Г.В. Верина, Л.Е. Владимиров, В.А.

Владимиров, Б.В. Волженкин, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, Г.В.Ф. Гегель, Д.А. Дриль, С.А. Елисеев, А.А. Жижиленко, М.П. Журавлев, А.Н. Игнатов, В.О. Ключевский, С.М. Кочои, Г.А. Кригер, Г.Л. Кригер, А.Н. Круглевский, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Е.И. Кычанов, А. Лохвицкий, С.В. Максимов, В.П. Малков, В.В. Мальцев, Н.А. Неклюдов, М. Пиетрчак, А.А. Пинаев, В.И. Плохова, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев, М.С. Рыбак, А.П. Севрюков, С.И. Сирота, Е.А. Суханов, А.Я. Сухарев, Д. Тальберг, И.С. Тишкевич, И.Я. Фойницкий, В.И. Холостов, А. Чизмадиа, Р.Д. Шарапов и др.

Нормативно-правовую основу работы составляют международно-правовые акты, Конституция Российской Федерации, действующее российское и зарубежное уголовное законодательство.

Эмпирическую базу исследования представляют данные, полученные в результате изучения 637 копий обвинительных приговоров судов (архивный материал Управлений федеральных служб исполнения наказаний по Саратовской области и Республике Мордовия; 2005 – 2006 гг.), данные официальной статистики Верховного Суда Российской Федерации, Управления судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Саратовской области (2000, 2005, 2006 гг.), Министерства внутренних дел Российской Федерации, Главного управления внутренних дел Саратовской области (2000, 2005, 2006 гг.), а также результаты экспертных опросов ученых-юристов (79 респондентов) и практических работников (судей и следователей – 83 респондента).

Научная обоснованность и достоверность результатов исследования определяются широким кругом нормативных и научных источников, достаточно богатой эмпирической базой и результатами социологических исследований, в своей совокупности обусловивших концепцию диссертации. Все это свидетельствует о репрезентативности изученного материала и позволяет считать сделанные на данной основе выводы научно достоверными.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в том, что оно является одним из первых в отечественной уголовно-правовой науке комплексным монографическим исследованием проблем дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания за грабеж, подготовленным на базе памятников права, действующего российского (с учетом всех последних новелл, а именно: Федеральных законов от 8 декабря 2003 г. №153-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации», от 30 декабря 2006 г. №283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение») и зарубежного уголовного законодательства.

Диссертантом сформирован новый концептуальный подход к проблеме возникновения и утверждения грабежа как преступления в российском уголовном праве. С позиции дифференциации уголовной ответственности

исследована его дальнейшая эволюция. Выявлены новые аспекты проблемы квалификации грабежей, предложены пути их решения. Представлены анализ практики назначения уголовного наказания за грабеж, освобождения от уголовной ответственности за данную разновидность преступлений; криминологический портрет личности грабителя в динамике. Выработаны отличающиеся научной новизной предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за грабеж, и правоприменительной деятельности. С позиции дифференциации ответственности за грабеж проведено исследование зарубежного уголовного законодательства.

На защиту вынесены следующие основные положения и выводы:

1. Своим возникновением грабеж как законодательное понятие преступления обязан римско-византийскому праву. Упоминание о грабеже в договорах с греками X в. и его отсутствие в Русской Правде и других российских историко-правовых документах XI – XIII веков обусловлено тем, что грабеж – изначально явление чуждое для русского права, навязанное извне.

Зарождение и утверждение состава преступления «грабеж» в российском праве происходило в борьбе между русскими традициями и общеевропейскими канонами.

2. В российском праве открытое завладение имуществом имеет определенную связь с наказанием: грабеж-преступление своим происхождением и утверждением в русском праве обязан именно наказанию.

3. Дифференциация ответственности за грабеж возможна с помощью ряда квалифицирующих признаков, которые мы предлагаем закрепить в ст. 161 УК РФ: а) причинение значительного ущерба гражданину; б) грабеж, совершенный неоднократно; в) грабеж, совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем; г) грабеж чужого имущества из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода.

4. В отдельной статье УК РФ необходимо закрепить привилегированный состав преступления «грабеж, совершенный вследствие нужды», что будет способствовать дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества, совершенное открытым способом. Статью предлагаем изложить в следующей редакции:

Статья 161¹. Грабеж, совершенный вследствие нужды (*проект*)

Грабеж, совершенный вследствие нужды, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 161 УК РФ, – наказывается...

5. Отсутствие альтернативных наказаний за грабеж, невведение в действие таких наказаний, предусмотренных их системой (ст. 44 УК РФ), как арест и ограничение свободы, во многом обуславливают относительно высокий процент краткосрочного лишения свободы (11%), излишне широкое применение условного осуждения (55%) и свидетельствует о несбалансированности уголовно-правовых санкций. С целью дальнейшей индивидуализации наказания необходимо все санкции ст. 161 УК РФ перевести в разряд альтернативных.

6. Закрепить в санкции ч. 2 ст. 161 УК РФ в качестве альтернативных основных наказаний исправительные и обязательные работы, а также штраф.

Ввести конфискацию имущества как обязательное дополнительное наказание за грабеж, совершенный при отягчающих или особо отягчающих обстоятельствах.

7. С момента введения в действие норм об аресте необходимо пересмотреть минимальный предел лишения свободы в сторону увеличения, определив его в шесть месяцев.

8. Декриминализировать открытое завладение чужим имуществом на сумму в пределах понятия мелкого хищения, если оно не отягощено другими обстоятельствами, повышающими общественную опасность деяния, и, соответственно, внести изменения в диспозицию ч.1 ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях, изложив ее в следующей редакции: «Мелкое хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты или *грабежа* при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой статей 158, 159 и 160, а также частями второй и третьей статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, – влечет ...».

9. Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, как правило, сохранило понятие грабежа в качестве самостоятельной формы хищения и самостоятельного состава преступления. Уголовная ответственность за грабеж дифференцируется с помощью различных квалифицирующих признаков и типовых наказаний.

10. Проведенный анализ уголовного законодательства стран дальнего зарубежья свидетельствует о том, что понятие грабежа в Уголовных кодексах ряда стран присутствует (Голландии, Дании, Испании, Швеции, Болгарии, США, Японии), однако не всегда носит форму обособленного состава преступления, «размываясь» в рамках иных форм хищения (кражи и разбоя) или вымогательства (УК Дании, Испании, Японии).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в комплексном изучении (с позиции истории и современности, российского и зарубежного законодательства, теории и практики) проблемы дифференциации ответственности и индивидуализации уголовного наказания за грабеж на монографическом уровне, в развитии учения о дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания за преступления против собственности.

Основные положения, рекомендации и выводы, содержащиеся в диссертационной работе, могут быть использованы в законотворческой деятельности, при подготовке постановлений Пленума Верховного Суда РФ и в учебном процессе при преподавании курсов уголовного права и криминологии.

Апробация результатов диссертационного исследования выразилась:

– в участии автора в научно-практических конференциях по проблемам уголовного права: 4-й международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (М., 2007); всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовые, пенитенциарные

принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни» (Саратов, 2005);

– в обсуждении диссертации на заседании кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права», а также в дискуссиях с сотрудниками правоохранительных органов.

По теме диссертации автором опубликовано 6 научных работ, в том числе одна из них – в ведущем рецензируемом научном журнале, указанном в перечне ВАК.

Структура диссертации. Диссертационное исследование выполнено в соответствии с требованиями ВАК. Объем диссертации составляет 186 страниц.

Работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и библиографического списка. В работе есть приложения, в которых представлены проекты ст.161 и ст.161¹ УК РФ и результаты экспертных опросов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** автор обосновывает актуальность темы исследования, раскрывает его объект и предмет, определяет цели и задачи, его методологическую, теоретическую и эмпирическую базы, показывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость диссертации, формулирует положения, вынесенные на защиту.

Первая глава *«Понятие грабежа по российскому законодательству: исторические корни и эволюция»*, состоящая из трех параграфов, посвящена познанию истоков грабежа, выявлению его исторических корней и изучению дальнейшей эволюции данного феномена.

В **первом параграфе** *«Исторические корни грабежа»* подчеркивается, что выявление исторических корней любого феномена, изучение его эволюции позволяет лучше разобраться в сущности настоящего и способствует прогнозированию будущего.

Автор исходит из гипотезы о специфике исторических корней преступления «грабеж» и об особом пути его развития в российском законодательстве, в отличие от других преступлений против собственности.

Истоки возникновения грабежа как законодательного понятия преступления уходят в римско-византийское право. Существование понятия грабежа в договорах с греками X в. и его отсутствие в Русской Правде и других российских историко-правовых документах XI–XIII веков может свидетельствовать о том, что Русская Правда отказалась от грабежа как от чуждого русскому праву, навязанному извне, явления.

Грабеж-преступление своим происхождением и утверждением в русском праве обязан наказанию (в частности, ст.7 Пространной редакции Русской Правды в качестве наказания предусматривала разграбление, выражавшееся в конфискации имущества и превращении в холопов жены и детей преступника).

Лишь со временем законодатель отказался от наказания «разграбление», а впоследствии оно трансформировалось в грабеж-преступление. Выводу о тесной взаимосвязи терминов «грабеж» и «разграбление» способствует также их рассмотрение с точки зрения лексикологии, с позиции однокоренных слов. Этимологическая особенность происхождения российского уголовного права как права о наказании, в отличие от англо-американской системы права – права о преступлении, также служит аргументом справедливости суждения о трансформации разграбления-наказания в грабеж-преступление.

Во **втором параграфе** *«Эволюция понятия грабежа в российском законодательстве досоветского периода»* рассмотрены последующие ступени эволюции грабежа в российском законодательстве.

Псковской Судной грамоте был известен не только простой (основной) состав грабежа, но и квалифицированный – грабеж с применением насилия (с боем). Термин «грабеж» встречается неоднократно (ст.ст. 1, 17, 20, 27, 48, 67, 105).

В Судебнике 1497 г. не упоминалось о грабеже. В Губной Белозерской грамоте (1539 г.) отсутствовало четкое разделение грабежа и разбоя, хотя попытка такого размежевания была предпринята законодателем.

Значение Судебника 1550 г. для совершенствования понятия грабежа заключается в том, что в ст.25 содержится стремление законодателя четко разграничить два состава преступления: грабеж как открытое похищение вещи и разбой как хищение, связанное с насилием.

В Стоглаве (1551 г.) присутствует термин «грабеж» как «мирское преступление», совершаемое священнослужителями и мирскими людьми. Ответственность за грабеж дифференцировалась с учетом субъекта преступления. Специальным субъектом признавались священники, дьяконы и все прочие церковные люди.

В Соборном Уложении (1649 г.) грабеж упоминался неоднократно, причем и в значении самостоятельного преступления. Однако в нем все-таки отсутствует четкая грань между кражей, грабежом и разбоем.

Артикул Воинский (1715 г.) предусматривал ответственность за грабеж в нескольких главах, в том числе двух специальных – главе 14 «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных» и 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве». По главе 14 наказание за грабеж в военное время приравнялось к наказанию за разбой. Глава 21 закрепляла ответственность за насильственный грабеж под угрозой телесного наказания и смертной казни. По степени общественной опасности насильственный грабеж («силою ограбит») приравнялся к вооруженному нападению, причинению вреда здоровью и убийству.

Указ Екатерины II от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» различал три рода воровства: 1)воровство-грабеж; 2)воровство-кражу; 3)воровство-мошенничество. Объединение кражи, грабежа и мошенничества одним понятием «воровство», по мнению диссертанта, свидетельствовало о стремлении законодателя подчеркнуть общие черты данных преступлений.

Вместе с тем в вышеназванном указе достаточно четко проведена грань между кражей, грабежом и мошенничеством.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845г.) грабежу посвящена четвертая глава «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел» раздела II «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» и отделение второе «О грабеже» главы третьей «О похищении чужого имущества» раздела двенадцатого «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц».

В соответствии со ст.2128 Уложения похищением чужого имущества признавались разбой, грабеж, воровство-кража и воровство-мошенничество. Часть вторая статьи 242 устанавливала дифференцированную ответственность за насильственное ограбление часовни, т.е. насильственный грабеж с учетом места его совершения. Статья 2139 выделяет два вида грабежа – без насилия и насильственный. Грабежом признавалось открытое похищение какого-либо имущества в присутствии самого хозяина или других лиц. Под насильственным грабежом понималось «всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что сия угроза и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, или свободы того лица».

Данное понимание насильственного грабежа испытало серьезную проверку временем – практически в таком же виде оно сохранилось до настоящего периода. Однако оставались прежние проблемы размежевания форм хищения. Об этом, в частности, свидетельствует определение понятия разбоя через грабеж (ст.2134).

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1845г.) ответственность за грабеж как преступление против собственности частных лиц дифференцировалась в зависимости от места и времени совершения преступления, множественности участников преступления, формы соучастия в преступлении, орудий и обстановки совершения преступления (ст.ст. 2139 – 2145). Вооруженный грабеж признавался одним из видов разбоя (ст.2143), чем законодатель стремился подчеркнуть повышенную степень общественной опасности вооруженного похищения.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (20 ноября 1864г.), подробнейшим образом дифференцировал ответственность за кражу, однако о грабеже упоминания не было.

Уголовное уложение 1903 г. не признало грабеж самостоятельной формой хищения. Согласно ст.589 любое насилие над личностью, независимо от его степени, как физическое, так и психическое, явившееся способом похищения чужого движимого имущества, выступало конструктивным признаком разбоя. Таким образом, законодатель вновь в традициях русского права отказался от понятия грабежа, а его юридические признаки, с одной стороны, были поглощены кражей, с другой – разбоем.

Отсутствие состава преступления «грабеж» в российском законодательстве на определенных этапах его развития, видимо, – результат того, что он не является исконно русским понятием в аспекте преступления.

Периодическая декриминализация грабежа может быть объяснена и тем, что в определенные вехи истории русского права открытое хищение имущества признавалось менее опасным, чем тайное.

Анализ российского законодательства досоветского периода свидетельствует о том, что зарождение и утверждение состава преступления «грабеж» происходило отнюдь не безболезненно, по принципу «шаг вперед, два шага назад», в борьбе между русскими традициями и общеевропейскими канонами.

Третий параграф посвящен анализу грабежа в системе преступлений по советскому уголовному праву.

Отказавшись достаточно решительно от всего предшествовавшего законодательства, советское право в первые годы своего существования, тем не менее, сохранило концепцию имущественных преступлений.

До принятия первого советского Уголовного кодекса отсутствовала единая система норм о преступлениях против собственности, однако уже в первых декретах (например, от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям») предпринимались попытки сформулировать составы грабежа.

Концепция имущественных преступлений была заложена в УК РСФСР 1922 и 1926 г.г. Грабеж входил в систему имущественных преступлений. Грабежом признавалось открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им (ст.182 УК РСФСР 1922г. и ст.165 УК РСФСР 1926г.). По одной статье Уголовного кодекса наказывались действия лиц, совершивших грабеж, как в отношении социалистического имущества, так и в отношении личного имущества граждан.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. квалифицированные составы грабежа были выделены в отдельную ст.183. Квалифицирующими признаками признавались: 1)насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего; 2)преступление, совершенное рецидивистом или 3)группой лиц (шайкой). Идея закрепления в самостоятельной статье закона квалифицированных видов грабежа не выдержала испытания временем, и уже Кодекс 1926 г. от нее отказался.

В период действия УК РСФСР 1926 г. сохраняла актуальность проблема размежевания кражи и грабежа, о чем свидетельствует ст.166, регламентировавшая ответственность за тайное, а равно открытое похищение лошадей или другого крупного скота у трудового земледельческого населения.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не давал исчерпывающего перечня форм хищения. В качестве форм хищения законодатель назвал лишь кражу, присвоение и растрату. В соответствии со ст.1 Указа кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества каралось заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без

таковой. Такая законодательная конструкция позволяла, по мнению диссертанта, признавать грабеж хищением.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» определял кражу как тайное или открытое похищение личного имущества граждан (ст.1), что свидетельствует о поглощении грабежа кражей.

Вышеназванные указы размежевали хищение социалистического и личного имущества путем создания самостоятельных законодательных конструкций преступлений.

В последующие годы в сфере борьбы с преступлениями против собственности осуществлялась политика приоритетной защиты социалистической собственности путем установления более строгого наказания за посягательства на нее. Данные подходы были сохранены в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. почти в течение всего периода его действия (до Закона РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»). В нем параллельно существовали два самостоятельных состава преступления «грабеж», совпадающие практически по всем объективным и субъективным признакам, за исключением одного – объекта преступления, что и предопределило их размещение в разных главах уголовного закона.

Федеральный закон от 1 июля 1994г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» установил единую уголовно-правовую ответственность за грабеж независимо от форм собственности. Данный подход сохранен и в действующем уголовном законодательстве России.

Вторая глава диссертации *«Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания за грабеж по действующему российскому уголовному законодательству. Вопросы квалификации грабежа (проблемы теории и практики)»* состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Дифференциация ответственности за грабеж»* рассмотрены вопросы дифференциации ответственности за грабеж посредством освобождения от уголовной ответственности и квалифицирующих признаков. Типовое наказание как одно из важнейших средств дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания, а также связанные с ним вопросы смягчающих и отягчающих обстоятельств, характера и степени общественной опасности личности преступника в силу их значимости исследованы в самостоятельном параграфе.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) и примирением с потерпевшим (ст.76 УК РФ) не может широко применяться к лицам, совершившим грабеж, поскольку обязательным условием данных видов освобождения является совершение преступления небольшой или средней тяжести. По правилам названных статей возможно освобождение от уголовной ответственности только лиц, совершивших грабеж, предусмотренный ч. 1 ст. 161 УК РФ. По данным Управления судебного департамента в Саратовской области, в 2005 г. от

уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием были освобождены 3 грабителя, в 2006 г. ст. 75 УК РФ в отношении лиц, совершивших грабеж, вообще не применялась. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим применяется более широко, так, в 2005 году районными (городскими) судами Саратовской области от уголовной ответственности было освобождено 188 человек, совершивших грабеж, в 2006 году – 202 человека.

Освобождение грабителей от уголовной ответственности за давностью лет (ст. 78 УК РФ), согласно отчету Управления судебного департамента в Саратовской области, в 2005 и 2006 г.г. не осуществлялось.

В отношении несовершеннолетних средством дифференциации уголовной ответственности служат также принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ). Согласно данным Управления судебного департамента в Саратовской области, из 252 несовершеннолетних – общего числа осужденных в 2005 г. за грабеж – 6 человек ранее направлялись в специальные учебно-воспитательные учреждения и семеро подвергались иным принудительным мерам воспитательного воздействия, в 2006 г., – соответственно, 6 и 5 человек из 283 осужденных. В целом по России только в отношении 15 – 20% несовершеннолетних применяется освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия.

Наиболее перспективным направлением углубления дифференциации уголовной ответственности современная уголовно-правовая доктрина признает совершенствование системы квалифицирующих и привилегирующих признаков.

По мнению диссертанта, закрепление в уголовном законе квалифицирующих признаков «кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» (ФЗ №133 от 31 октября 2002г.), и «кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода» (ФЗ №283 от 30 декабря 2006г.), породило много вопросов и противоречий, в частности при перерастании кражи в грабеж. Ввиду отсутствия в законе квалифицированных видов грабежа, базирующихся на вышеназванных признаках, тайное хищение, ставшее явным (открытым), превращается из квалифицированного состава кражи в «простой» грабеж, без отягчающих обстоятельств. Фактически тождественные обстоятельства имеют разную уголовно-правовую оценку, что в итоге приводит к возможности назначения за грабеж более мягкого наказания, чем за кражу, а это нарушает принцип дифференциации ответственности в зависимости от формы хищения.

Проведенное исследование уголовно-правовых норм, материалов судебной практики, специальной литературы позволило диссертанту сделать вывод о необходимости закрепления в ст. 161 УК РФ квалифицирующих признаков: грабеж, совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, и грабеж чужого имущества из нефтепровода,

нефтепродуктопровода, газопровода. В период экономического кризиса данное предложение приобрело особую актуальность.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» необоснованно исключил из УК РФ неоднократность как вид множественности и квалифицирующий признак, создав тем самым много проблемных ситуаций, в том числе связанных и с дифференциацией уголовной ответственности за грабеж. По результатам проведенного соискателем экспертного опроса, 65% судей районных (городских) судов и следователей органов внутренних дел г.Саратова и 55% юристов-теоретиков высказались за необходимость возрождения квалифицирующего признака «неоднократность».

Автор поддерживает идею о выделении незаконного проникновения в жилище в самостоятельный особо квалифицирующий признак грабежа. Необходимость тождественного подхода к закреплению квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков кражи и грабежа обусловлено, прежде всего, недопустимостью создания парадоксальной ситуации при перерастании одной формы хищения в другую.

Причинение значительного ущерба гражданину – квалифицирующий признак, который также не учтен законодателем при конструировании состава грабежа, в отличие от кражи и мошенничества. Аналог названного квалифицирующего признака просуществовал в ст. 161 (грабеж) УК РФ до Федерального закона № 162-ФЗ от 8 декабря 2003г. Таким образом, сегодня идентичный по размеру ущерб, причиненный кражей, мошенничеством, присвоением и растратой, расценивается как значительный, а грабежом – нет.

Проблемный вопрос, связанный с отсутствием в ст. 161 УК РФ квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба потерпевшему», особенно ярко проявляется при перерастании кражи в грабеж, а также при эксцессе исполнителя. Ни в том ни в другом случае намерение причинить значительный ущерб гражданину не находит отражения в квалификации.

Размер причиненного ущерба не может по-разному влиять на степень общественной опасности различных форм хищения. Поэтому избирательность законодателя в этом вопросе не оправдана. В Модельном Уголовном кодексе – рекомендательном законодательном акте для Содружества Независимых Государств – данный вопрос решен более последовательно: квалифицирующий признак «причинение значительного ущерба потерпевшему» выделен применительно ко всем формам хищения. Низкий уровень жизни основной массы населения страны свидетельствует о значимости рассматриваемого квалифицирующего признака, тем более что первоочередной задачей уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Экспертный опрос сотрудников правоприменительных органов и юристов-теоретиков подтверждает правильность данной точки зрения (79% судей и следователей и 67% ученых высказались за возрождение квалифицирующего признака грабежа «причинение значительного ущерба гражданину»). В итоге автор диссертации приходит к выводу о необходимости

закрепления в ст. 161 УК РФ квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину», что особо значимо в период экономического кризиса.

Нововведения Федерального закона от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение», касающиеся понятия мелкого хищения, по мнению соискателя, приведут к искусственному росту хищений-преступлений, даже к его «взрыву» со всеми вытекающими отсюда последствиями, поскольку многое из того, что ранее признавалось административно наказуемым, стало преступлением. Автор считает данное законодательное решение поспешным, непродуманным. Оно также свидетельствует о нестабильности законодательства и уголовной политики в сфере борьбы с корыстными правонарушениями. Наиболее приемлемым было бы решение о пересмотре в сторону увеличения минимального предела значительного ущерба, причиняемого хищением, путем внесения в пункт 2 примечания к ст. 158 УК РФ соответствующих изменений, ибо сумма, практически граничащая с минимальным размером оплаты труда, не может причинить значительный ущерб.

Диссертант разделяет мнение ученых о придании понятию насилия, не опасного для жизни или здоровья (физического и психического), статуса обязательного конструктивного признака основного состава преступления «разбой».

Дифференциация ответственности за грабеж возможна также с помощью такого квалифицирующего признака, как совершение его в условиях стихийного или общественного бедствия. Однако для окончательного вывода по этому предложению необходимы дополнительные исследования.

В современный период в уголовно-правовой литературе активно обсуждается проблема привилегированных составов преступлений. В законодательстве применительно к преступлениям против собственности, напротив, продолжает оставаться односторонний подход. В качестве обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности данной разновидности преступлений и личности преступника, учитываются только квалифицирующие признаки, несмотря на предложения теоретиков о введении в уголовный закон признаков привилегировающих (Г.В. Верина, А.В. Шульга, О.А. Адоевская).

В целях углубления дифференциации уголовной ответственности за грабеж представляется важным закрепление в российском уголовном законе привилегировающего признака «совершение хищения вследствие нужды». При этом соответствующий привилегированный состав грабежа целесообразно выделить в самостоятельную статью 161¹ УК РФ. Такой подход к решению данного вопроса соответствует законодательной технике уголовного права России. Подобное нововведение будет особо значимо для несовершеннолетних грабителей, ибо высокий уровень корысти-бедности определяется резким, несправедливым расслоением общества на богатых и бедных, увеличением

количества семей с доходами ниже прожиточного минимума. В переживаемый страной период экономического кризиса закрепление в уголовном законе привилегированного состава грабежа приобретает особую значимость.

Однако тяжелое материальное положение виновного может быть вызвано разными причинами, которые, несомненно, должны влиять на возможность признания его необходимым и достаточным для вменения привилегированного состава преступления.

Второй параграф посвящен дискуссионным вопросам квалификации грабежа, одним из которых является момент окончания данного преступления. Практика применения норм об уголовной ответственности за грабеж не свободна от ошибок, допускаемых вопреки рекомендациям Пленума Верховного Суда как общей направленности, так и по конкретным уголовным делам.

Еще в начале XX столетия по вопросу о моменте окончания хищения в уголовно-правовой доктрине существовали три теории: теория прикосновения, теория уноса, теория завладения³. В современный период развития российской уголовно-правовой доктрины наиболее востребована теория завладения. Соискатель разделяет данный концептуальный подход.

В основе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о моменте окончания грабежа также лежит теория завладения. Однако проведенное диссертантом обобщение материалов местной судебной практики показало, что на моменте окончания грабежа судьи внимание не акцентируют. Как правило, в приговорах указывается на то, что лица, совершающие грабеж, скрылись с места происшествия, покинули квартиру, помещение. Иногда отмечается факт распоряжения похищенным имуществом, несмотря на то, что фактическое распоряжение таковым не является обязательным условием признания грабежа оконченным (достаточно наличия реальной возможности пользоваться или распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению) и всегда указывается на размер причиненного вреда.

В работе проанализированы встречающиеся в судебно-следственной практике ошибки в квалификации похищения вещей у человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, в присутствии малолетнего, не сознающих характера происходящего, а также в разграничении кражи и грабежа. В итоге автором высказаны рекомендации по их устранению.

По мнению диссертанта, стояние на страже, отвлечение внимания потерпевшего разговором не входит в объективную сторону ни кражи, ни грабежа, а следовательно, не может быть признано исполнением преступления. Поэтому признание соисполнительством подстраховывания соучастников от возможного обнаружения совершаемого ими преступления – пример расширительного толкования уголовного закона. Подобные деяния должны квалифицироваться как пособничество в совершении кражи или грабежа, в

³ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М.: Университ. тип., 1905. С.168 – 169.

связи с чем в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 6 февр. 2007г.) необходимо внести соответствующие коррективы, а именно: исключить из пункта 10 фразу «подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления».

Вопрос уголовно-правовой оценки приведения лица в беспомощное состояние путем введения в организм потерпевшего против его воли или путем обмана сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, а также веществ, не представляющих опасности для жизни или здоровья, длительное время дискутируется в специальной литературе. Автор предлагает закрепить в ст. 162 УК РФ в качестве конструктивного признака разбоя использование беспомощного состояния, вызванного введением в организм потерпевшего против его воли или путем обмана вещества, не представляющего опасности для жизни или здоровья, и в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления – соответственно, сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества, опасного для жизни или здоровья.

Третий параграф *«Индивидуализация уголовного наказания за грабеж»* посвящен исследованию механизма индивидуализации уголовного наказания за грабеж как на законодательном, так и правоприменительном уровнях, и поиску новых путей решения проблемных вопросов в данной сфере.

Санкции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за грабеж (за исключением ч.1 ст. 161 УК РФ), – безальтернативные, единственный вид основного в них наказания – лишение свободы. И лишь относительно-определенный характер санкций сориентирован на индивидуализацию уголовного наказания. Все это свидетельствует о том, что существующие санкции за грабеж серьезным образом ограничивают возможности индивидуализации наказания, что, как в зеркале, отражается на правоприменительном уровне.

Согласно отчету Управления судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Саратовской области, в 2005 г. районными (городскими) судами Саратовской области за грабеж было осуждено 1269 человек, из них по ч.1 ст. 161 УК РФ – 413 чел., ч.2 – 856. По ч.3 ст. 161 (грабеж, совершенный организованной группой или в особо крупном размере) УК РФ осужденных нет. К лишению свободы было осуждено 602 человека. Среди них 69 – к лишению свободы на срок не свыше 1 года, 177 чел. – свыше 1 года до 2-х лет включительно, 185 – свыше 2-х до 3-х лет, 147 – свыше 3-х до 5 лет, 21 – свыше 5 до 8 лет, 1 человек – свыше 8 до 10 лет и 1 человек – свыше 15 лет лишения свободы. В 2006 году за грабеж было осуждено 1 263 человека (показатели практически аналогичны оным за 2005 г.), однако число осужденных к лишению свободы значительно сократилось и составило 524, что на 78 человек меньше по сравнению с 2005 годом.

Лишение свободы достаточно широко применяется и в отношении несовершеннолетних. Так, из 252 человек, осужденных за грабеж в 2005 году районными (городскими) судами Саратовской области, 60 приговорены к лишению свободы, в 2006 г. – 54 из 283. Сроки лишения свободы для

несовершеннолетних были определены следующим образом. В 2005 году 9 человек было осуждено на срок до 1 года, свыше 1 года до 2-х лет включительно – 26, свыше 2-х до 3-х лет – 17, свыше 3-х до 5 лет – 7 и свыше 5 до 8 – 1 человек. В 2006 году аналогичные показатели выглядели так: 14 человек приговорены к лишению свободы до одного года, 18 – свыше 1 года до 2-х лет включительно, 14 – свыше 2-х до 3-х лет, 7 – свыше 3-х до 5 лет и 1 человек – свыше 5 до 8 лет.

Исправительные работы судами Саратовской области в 2005 г. назначены 22 осужденным за грабеж (причем пятерым – за грабеж, совершенный при отягчающих обстоятельствах), штраф – 6 (один человек приговорен к штрафу за грабеж с отягчающими обстоятельствами), обязательные работы – 4. Следует заметить, что речь идет о штрафе как основном наказании, при отсутствии его в санкции. Значит, была применена ст. 64 УК РФ, на основании которой назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией за данное преступление. Обязательные работы, видимо, были назначены также с учетом положений ст. 64 УК РФ. В 2006 году к исправительным работам осуждено 12 человек, к штрафу – 8 и обязательным работам – 4.

Приведенная статистика показывает в целом высокий удельный вес лишения свободы в правоприменительной системе наказаний за грабеж. Основываясь на анализе статистических данных и 600 обвинительных приговоров, мы приходим и к такому выводу: за грабеж часто назначается наказание в минимальных, согласно санкции, пределах лишения свободы либо близких к ним. Это обусловлено, по всей видимости, несопоставимостью излишней строгости санкции и степени общественной опасности преступления.

Важно констатировать, что в правоприменении все еще достаточно распространено краткосрочное лишение свободы, низкую эффективность которого отмечали многие ученые (И.С. Ной, П.Г. Пономарев, М.С. Рыбак и др.). На наш взгляд, вопрос о минимальном сроке лишения свободы наиболее оптимально был решен в УК РФ 1996 г. до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В соответствии со ст. 56 УК РФ 1996 г. (в первоначальной редакции) минимальный предел лишения свободы был равен шести месяцам. В шесть месяцев установлен также один из пределов ареста – максимальный (ст. 54 УК РФ). В этом прослеживалась законодательная логика, что также позволяло рассматривать лишение свободы и арест как реально альтернативные виды уголовных наказаний. Повышение минимального предела лишения свободы с трех (ст. 24 УК РСФСР 1960 г.) до шести месяцев свидетельствовало о позитивном шаге законодателя на пути решения проблемы краткосрочного лишения свободы. Одним из положений Федерального закона от 8 декабря 2003 г. явилось установление минимального предела лишения свободы в два месяца. Данная новелла свела на «нет» все предшествующие достижения в сфере уголовной политики в отношении краткосрочного лишения свободы. Возврат к более низкому минимальному пределу может быть оправдан только с позиции вынужденного «моратория» на арест. Думаем, эти

меры должны носить исключительно временный характер. С введением в действие норм об аресте нужно будет вновь пересмотреть минимальный предел лишения свободы в сторону его увеличения. Считаем целесообразным определить его в шесть месяцев.

Одним из важнейших факторов относительно высокого процента краткосрочного лишения свободы в судебной практике представляется несбалансированность санкций, отсутствие в них альтернативных наказаний, невведение в действие таких наказаний, предусмотренных их системой (ст.44 УК РФ), как арест и ограничение свободы.

В уголовно-правовой теории в отношении ареста как вида уголовного наказания развернулись дискуссии. Можно говорить о его негуманности, излишней строгости, поскольку сам закон определяет арест как содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества (ст.54 УК РФ), тогда как даже лишение свободы, по определению законодателя, заключается в изоляции (без указания на строгий характер) от общества. Однако по своей сущности и содержанию, в соответствии с идеей, заложенной в системе уголовных наказаний (ст.44 УК РФ), арест – наказание менее строгое по сравнению с лишением свободы. В этом состоит противоречие. Данная коллизия может быть устранена посредством внесения корректив в уголовно-правовые нормы, облегчения условий содержания в арестных домах. Несмотря на все противоречия, всю проблемность ситуации, все-таки данный вид уголовного наказания, как показал анализ судебной практики, необходим правоприменителю, так как является реальной альтернативой краткосрочного лишения свободы, применение которого, полагаем, не только не лучший вариант решения проблемы, но и не более экономичный.

Вместе с тем следует отметить и кардинальные перемены: среди мер уголовно-правового воздействия на осужденных за грабеж высокий процент принадлежит условному осуждению. Суд назначает его и участникам группового насильственного грабежа.

По данным Управления судебного департамента в Саратовской области, в 2005 г. районными (городскими) судами Саратовской области за грабеж условное осуждение было назначено 633 лицам (49,88% всех осужденных), причем 622 человека условно осуждены к лишению свободы, 11 – к иным видам уголовного наказания. Среди привлеченных к уголовной ответственности за грабеж, совершенный при отягчающих обстоятельствах (ч.2 ст.161 УК РФ), к лишению свободы условно был осужден 421 человек (49,18%). В 2006 г. аналогичные показатели были еще выше: условно осуждены 705 человек; из них 698 – условно к лишению свободы и 7 – к иным видам уголовного наказания (всего к уголовной ответственности за грабеж было привлечено 1263 человека). Таким образом, в 2006 г. удельный вес условного осуждения в системе мер уголовно-правового воздействия был равен 55,8%. Следовательно, прирост составил 5,92%.

Ставка на условное осуждение не решает проблемы роста исследуемой разновидности корыстных преступлений. Поэтому правоприменительной системе пора задуматься над проблемой столь широкого применения института

условного осуждения, особенно в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления. В уголовно-правовой литературе высказаны различные рекомендации по совершенствованию статьи 73 УК РФ. Соискатель поддерживает мнение ученых о запрете на законодательном уровне возможности применять условное осуждение к лицам, осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления.

В диссертации подчеркивается важность установления дифференцированной ответственности за грабеж на межотраслевом уровне. Автор предлагает декриминализировать (перевести в разряд административных правонарушений) открытое завладение чужим имуществом на сумму в пределах понятия мелкого хищения, если оно не отягощено другими обстоятельствами, повышающими общественную опасность деяния и изложить диспозицию ч.1 ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях в следующей редакции: «Мелкое хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты или *грабежа* при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями второй, третьей и четвертой статей 158, 159 и 160, а также частями второй и третьей статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, – влечет ...».

Современная уголовно-правовая доктрина исходит из того, что проблему роста преступности, а также дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания одной лишь строгостью наказания решить невозможно, необходим целый комплекс сбалансированных мер. В частности, в санкциях нужна альтернатива лишению свободы. Отсутствие в законе такой альтернативы порой приводит к применению не только излишне строгих, но и неоправданно мягких мер уголовно-правового воздействия, в частности, условного осуждения.

Поэтому с целью дальнейшей индивидуализации наказания уголовно-правовые санкции за грабеж необходимо перевести в разряд альтернативных. По итогам экспертного опроса, эта идея получила поддержку 62% юристов-теоретиков. Поскольку на сегодня нельзя назначить арест и ограничение свободы, так как все еще не созданы условия для их реализации, в санкции целесообразно включить «работающие» виды уголовных наказаний. Думаем, есть смысл закрепить в уголовно-правовой норме исправительные и обязательные работы, а также штраф в качестве альтернативных основных наказаний. Необходимо также возродить конфискацию имущества как вид дополнительного уголовного наказания и предусмотреть ее в качестве обязательной меры за грабеж, совершенный при отягчающих или особо отягчающих обстоятельствах.

Соискатель поддерживает мнение ученых по вопросу возрождения возложения обязанности загладить причиненный вред в форме непосредственного устранения причиненного вреда своими силами, возмещения материального ущерба своими средствами либо публичного извинения перед потерпевшим в форме, устанавливаемой судом, применительно к преступлениям против собственности как дополнительного

наказания. Согласно результатам проведенного нами экспертного опроса, эту идею поддержали 85% юристов-теоретиков и 78% юристов-практиков.

В соответствии со ст. 60 УК РФ при назначении наказания необходимо учитывать личность виновного, в связи с чем в диссертации представлен имеющий научный интерес типовой портрет личности грабителя, составленный на основании полученных в результате анализа материалов уголовных дел, а также данных Управления судебного департамента в Саратовской области. Типовой портрет личности грабителя показан в динамике и сравнении (за основу взяты 2000 и 2005 гг.).

Третья глава *«Ответственность за грабеж по уголовному законодательству зарубежных стран»* состоит из трех параграфов.

В **первом параграфе** *«Ответственность за грабеж по зарубежному законодательству: краткий исторический очерк»* подчеркивается, что грабеж как преступление против собственности праву зарубежных государств был известен с глубокой древности. Еще в Законах Хаммурапи, Ману, 12 таблиц, предусматривалась ответственность за грабеж. В древнегерманском праве открытые и насильственные захваты чужого имущества вначале влекли исключительно гражданско-правовые последствия. По Институциям Гая (II в. н.э.) грабеж приравнивался к краже.

В Салической правде – памятнике франкского права раннефеодального общества (V–VI вв.) существовала дифференцированная, в зависимости от свойств потерпевшего и виновного, ответственность за грабеж.

Уголовному праву Венгрии XI – XIII вв., базировавшемуся на декретах первых венгерских королей (декреты Иштван, Ласло, Калман), был известен состав преступления «грабеж». Грабителей карали повешением, отсечением конечностей, продажей в рабство. Только Декрет Калман несколько смягчил наказание (А. Чизмадиа, К. Ковач, Л. Асталош).

Известно своей жестокостью средневековое германское феодальное право (Саксонское зеркало XIII в.), по которому грабеж приравнивался к таким тяжчайшим преступлениям, как убийство и изнасилование.

Ярким представителем права Востока является китайское право. В соответствии с Уголовным кодексом Тан сущность грабежа состояла в похищении чужой вещи с помощью угрозы или силы. Наказание дифференцировалось в зависимости от степени общественной опасности преступления, которая определялась стоимостью похищенного имущества, способом совершения преступления, орудиями преступления, степенью завершенности преступного намерения.

Каролина – крупнейший из памятников германского феодального права, изданная Карлом V в 1532 г., отличалась суровостью наказаний. Наказание дифференцировалось в зависимости от вида хищения, социального положения и половой принадлежности потерпевшего. В случае совершения «открытой кражи» преступника выставляли к позорному столбу, секли розгами и изгоняли из страны. «Кражи со взломом и вооруженная» наказывались жестоко, в том числе телесными наказаниями. Мужчина карался повешением, а женщина – утоплением или иным путем, «...сообразно положению лиц и

усмотрению судьи, выкалыванием глаз или отсечением одной руки, или иным подобным тяжким телесным наказанием».

По Уголовному кодексу Франции 1791 г. частная собственность защищалась даже более суровыми мерами, чем личность. Кража с насилием или угрозой употребить оружие (п. 5 ст. 381) каралась смертной казнью.

В Уголовном Уложении Великого княжества Финляндского 1889 г. составы грабежа разработаны с максимальными подробностями, до казуистического перечисления несущественных деталей. Наиболее часто встречающимся наказанием было заключение в смиренный дом (Р.Н. Дусаев).

Во **втором параграфе** *«Дифференциация ответственности за грабеж по уголовному законодательству стран ближнего зарубежья»* отмечается, что страны ближнего зарубежья – республики, ранее входившие в состав СССР, – сохранили преемственность уголовного законодательства советского периода. Вместе с тем, на сегодня, как и в России, в странах ближнего зарубежья востребованной является концепция единой охраны собственности независимо от ее форм.

Анализ современного уголовного законодательства Азербайджанской, Латвийской и Эстонской Республик, Республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Украины показал, что законодатель всех названных стран, за исключением Латвийской Республики, признает грабеж самостоятельной формой хищения. Уголовная ответственность за него закреплена в отдельных статьях. В Уголовном кодексе Латвийской Республики состав преступления «грабеж» отсутствует, открытое хищение объединено в одно преступление с хищением тайным. И тайное, и открытое похищение чужого имущества, причем только движимого, признаны кражей, ответственность за которую предусмотрена ст.175.

По мнению диссертанта, объединение в одно преступление хищений, совершаемых разными способами, не учитывает их различной степени общественной опасности и не способствует дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания. Это – не лучший способ решения вопроса ответственности за тайное и открытое хищение, недаром многие другие страны ближнего зарубежья не восприняли эту идею.

В уголовных законах Азербайджанской и Эстонской Республик, Республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Украины грабеж как самостоятельная форма хищения обложен в самостоятельный состав преступления и закреплён в отдельной статье. В Уголовных кодексах Азербайджанской Республики, Республик Беларусь, Таджикистан и Казахстан грабеж помещен в главу «Преступления против собственности». В соответствии с УК АР и РТ глава «Преступления против собственности» входит в раздел «Преступления в сфере экономики». Данное решение вопроса идентично законодательной регламентации грабежа в российском законодательстве. По УК РБ глава 24 «Преступления против собственности» включена в раздел VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности». Особенная часть УК РК не имеет

деления на разделы, она подразделена только на главы. В УК Украины грабеж находится в разделе VI «Преступления против собственности». Согласно УК РУ все хищения (вымогательство тоже отнесено к хищению) закреплены в отдельной главе X «Хищение чужого имущества», которая включена в раздел третий «Преступления в сфере экономики».

Вопрос об уголовно-правовой защите собственности своеобразно решен в УК Эстонской Республики. Своеобразие выражается уже в самом названии главы 6 – «Преступления против имущества». Это дает основание предположить, что объектом преступлений данной главы законодатель признал не собственность, а имущество.

Все рассматриваемые уголовные законы определяют грабеж как хищение либо похищение, совершенное открытым способом. Как правило, в законодательных дефинициях грабежа отражен предмет преступления – чужое имущество. В определении грабежа по УК Республики Беларусь не указано на принадлежность имущества: грабеж – это открытое похищение имущества (ст.206). Один нюанс присутствует в законодательной конструкции признаков основного состава грабежа по УК Эстонской Республики. В соответствии с ч.1 ст.140 УК ЭР грабеж есть открытое похищение чужого имущества, совершенное без насилия над личностью. Насилие – квалифицирующий признак грабежа.

Квалифицирующие признаки грабежа, согласно ст.180 УК АР, по сути, – аналоги (за некоторым исключением) квалифицирующих признаков грабежа, которые были закреплены в УК РФ 1996 г. до редакции ФЗ от 8.12.2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Важно также подчеркнуть и то, что азербайджанский законодатель, в отличие от российского, сохранил квалифицирующие признаки, в основе которых лежат виды множественности преступлений – неоднократность и рецидив.

Ответственность за грабеж по УК РК (ст.178) дифференцируется в зависимости от видов множественности, форм соучастия, размера причиненного ущерба, а также места совершения преступления. Степень насилия служит средством дифференциации ответственности на уровне форм хищения и одновременно является разграничительным признаком грабежа и разбоя.

Уголовный кодекс Республики Беларусь признал квалифицирующими признаками повторность, группу лиц, проникновение в жилище, крупный и особо крупный размеры, а равно организованную группу (ч.2 – 4 ст.206).

В УК Республики Таджикистан (ст.248) закреплены, помимо сходных с ранее названными, такие квалифицирующие признаки, как: использование условий общественного или природного бедствия и грабеж, совершенный при опасном и особо опасном рецидиве. Виды рецидива в зависимости от степени общественной опасности играют роль самостоятельных квалифицирующих признаков.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан сохранены понятия «опасный» и «особо опасный рецидивист» (ст.34).

Квалифицирующие признаки грабежа по УК Украины базируются на традициях советского уголовного законодательства. Законодатель сохранил квалифицирующие признаки, основывающиеся на видах множественности, формах соучастия и размере причиненного ущерба (ст. 186 УК Украины).

Уголовный закон Эстонской Республики дифференцирует ответственность за грабеж с помощью таких специфических квалифицирующих признаков, как: совершение грабежа с сокрытием лица специальной накладкой или маской либо иным способом, препятствовавшим установлению личности; устранением преграды или запора, препятствовавших проникновению в место нахождения имущества, и преступным сообществом (ст. 140).

В итоге приходим к выводу, что уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, по общему правилу, сохранило понятие грабежа как самостоятельной формы хищения и самостоятельного состава преступления. Уголовная ответственность за грабеж дифференцируется, прежде всего, с помощью различных квалифицирующих признаков.

Уголовное наказание за грабеж по законодательству Азербайджанской Республики, Республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Эстонской и Латвийской Республик, а также Украины не отличается особым разнообразием. Среди наказаний в санкциях названы: лишение свободы, арест, ограничение свободы, исправительные работы, штраф, конфискация имущества, контроль полиции. Самым распространенным, а часто единственным основным видом уголовного наказания является лишение свободы. Практически безальтернативный характер санкций за грабеж по уголовному законодательству Азербайджана, Украины, Казахстана и Узбекистана свидетельствует об их несбалансированности, о низком уровне дифференциации уголовной ответственности.

Уголовные кодексы Республики Беларусь и Эстонской Республики с большим успехом решают вопросы дифференциации ответственности за грабеж посредством типового уголовного наказания: альтернативные санкции предусмотрены не только за преступления с основным составом грабежа, но и за преступления с квалифицированным составом.

Вместе с тем анализ уголовно-правовых санкций за грабеж по уголовному законодательству Азербайджанской Республики, Республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Эстонской и Латвийской Республик, а также Украины показал, что наказание как важнейшее средство дифференциации уголовной ответственности не выполняет до конца своей миссии, не используется в полную силу. Многие санкции носят безальтернативный характер. Сохранение же конфискации имущества как дополнительного наказания за грабеж, несомненно, имеет большое значение для реализации принципа справедливости, дифференциации ответственности и индивидуализации уголовного наказания.

В третьем параграфе *«Уголовная ответственность за грабеж по уголовному законодательству стран дальнего зарубежья (Голландии, Дании, Испании, Швеции, ФРГ, США, Болгарии, Польши, Японии)»* обращается внимание на то, что решение вопроса дифференциации ответственности за

грабеж в странах дальнего зарубежья во многом обусловлено их принадлежностью к той или иной правовой системе.

В европейской системе права господствует светская концепция права, разграничение же полномочий между законодателем и судьей имеет свои особенности в зависимости от страны. Например, современное голландское уголовное право характеризуется большой свободой судьи в выборе типа, вида и размера наказания и иных заменяющих мер (Т.А. Лесниевски-Костарева).

В Уголовном кодексе Голландии составу преступления «грабеж» посвящен целый раздел XXII «Кража и грабеж». Понятие грабежа не укладывается в привычные для нас рамки, ему свойственна казуистичность с ориентацией на предмет преступления, конкретно названный в уголовно-правовой норме. Им могут быть различные виды полезных ископаемых, либо остаточные продукты человеческой деятельности, предметы, которые с позиции российского законодательства не представляют ценности, например, опавшие с деревьев листья. Способ совершения грабежа (тайный или открытый) не явствует из законодательной дефиниции. Обращено внимание лишь на то, что грабеж – преступление ненасильственное (ст.314). Уголовный кодекс Голландии закрепляет широкий спектр квалифицирующих признаков грабежа (п.2 – 5 ст.311, ст.315). Предусмотрена ответственность за кражу и грабеж имущества у родственников и супругов (ст.316). Санкции за грабеж носят альтернативный характер, однако в круг альтернативных наказаний входят только тюремное заключение и штраф.

В соответствии с Уголовным кодексом Дании грабеж входит в систему тяжательских преступлений (глава 28). Понятие грабежа дано и через вымогательство, и через кражу, которые являются самостоятельными преступлениями (ч. 1 §288). Таким образом, грабеж – это квалифицированные вымогательство и кража. Роль квалифицирующих признаков играет насилие. Вопросу индивидуализации уголовного наказания законодатель не уделяет особого внимания, о чем свидетельствуют безальтернативные санкции.

В уголовном законодательстве Испании грабеж как абсолютно самостоятельное преступление отсутствует, однако в главе II «О краже» идет речь об ограблении как о тождественной краже форме хищения.

Уголовное законодательство Швеции закрепляет понятие грабежа и дифференцирует ответственность за него в зависимости от степени общественной опасности. Вместе с тем, с одной стороны, грабеж рассматривается как разновидность кражи, с другой – как самостоятельное преступление (глава 8 «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества» УК Швеции). Степень насилия и ряд других обстоятельств служат основанием признания грабежа тяжким преступлением. Наказание за грабеж безальтернативное – тюремное заключение. Сроки тюремного заключения зависят от степени тяжести преступления.

В уголовном законодательстве ФРГ состав преступления «грабеж» не нашел отражения.

Для американского уголовного права наряду с подробной дифференциацией ответственности в уголовном законе характерны достаточно

широкие полномочия судьи в индивидуализации наказания (Т.А. Лесниевски-Костарева). Ограбление по уголовному праву США – это насильственное хищение, или своего рода квалифицированная кража (§3701 УК штата Пенсильвания, §160.00 УК штата Нью-Йорк). По УК штата Нью-Йорк ответственность за грабеж дифференцируется с помощью квалифицирующих признаков: причинение телесного вреда потерпевшему; совершение преступления группой лиц; вооруженность смертоносным оружием, а равно применение такого оружия. Уголовно-правовые санкции носят безальтернативный характер – тюремное заключение на срок до 7, 15 и 25 лет.

В соответствии с болгарским уголовным законодательством грабежом признается насильственное изъятие имущества (ч.1 ст.198 УК РБ). Помимо этого, грабеж имеет место и тогда, когда для изъятия вещи лицо было приведено в бессознательное или беспомощное состояние (ч.4 ст.198). Согласно разделу II «Грабеж» уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от квалифицирующих признаков и степени завершенности преступной деятельности. В самостоятельной норме регламентируется вопрос о перерастании кражи в грабеж (ч. 3 ст. 198). Этот опыт целесообразно перенять российскому законодателю и предусмотреть в УК РФ специальную норму, которая бы решала вопрос о перерастании одной формы хищения в другую.

Важно отметить также то, что грабеж не определяется как открытое изъятие имущества, кража, соответственно, – как тайное. Следовательно, и то и другое преступление может быть совершено как тайно, так и открыто. Насилие – главный отличительный признак кражи от грабежа. Квалифицирующие признаки грабежа закреплены в самостоятельной статье 199 уголовного закона. Квалифицированные виды грабежа, предусмотренные в ч.2 ст.199 УК РБ, в том числе и грабеж в особо крупных размерах, если лицо было вооружено, влекут наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, пожизненного заключения или пожизненного заключения без замены. Наряду с этим суд может также постановить и конфискацию всего или части имущества виновного.

Уголовному законодательству Польши понятие грабежа не известно. Однако в главе XXXV «Преступления против имущества» есть нормы, в которых отражены признаки преступлений, сравнимые с насильственным грабежом. В частности, согласно ст.280, кто совершает хищение, применяя насилие по отношению к лицу или угрожая немедленным его применением либо доводя человека до бессознательного или беспомощного состояния, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 2 до 12 лет.

Для восточной системы права характерны понимание права как божественного откровения и, соответственно, абстрактность правовых предписаний. Поэтому судье предоставлены большие полномочия в определении рамок наказуемости, закон же дифференцирует ответственность минимально (Т.А. Лесниевски-Костарева).

Наиболее ярко особенности законодательного регламентирования в восточной правовой системе уголовной ответственности за открытое

завладение чужим имуществом представлены в уголовном законодательстве Японии. Уголовный кодекс Японии не использует термин «грабеж». Открытое завладение имуществом «растворяется» в краже и разбое. Однако понятие кражи в законе тоже не раскрывается. «Тот, кто украл имущество другого лица, – закреплено в ст.235 УК Японии, – признается совершившим кражу». Совершившим разбой признается тот, кто путем применения насилия или угроз отобрал у другого лица его имущество (ст.236). «Скупая» законодательная формула все-таки позволяет заключить: 1)отличительный признак разбоя – насилие (физическое или психическое); 2)разбой с позиции конструкции – материальный состав преступления; 3)оконченным разбой признается в момент изъятия имущества.

Проведенный анализ уголовного законодательства стран дальнего зарубежья свидетельствует о том, что понятие грабежа в Уголовных кодексах ряда стран присутствует (Голландии, Дании, Испании, Швеции, Болгарии, США, Японии и др.), однако не всегда носит форму обособленного состава преступления, «размываясь» в рамках иных форм хищения (кражи и разбоя) или вымогательства (УК Дании, Испании, Японии и др.).

В **заключении** подводятся итоги проведенного диссертационного исследования, в **приложении** представлены проекты ст. 161 и ст.161¹ УК РФ и результаты экспертных опросов.

Выводы и основные положения диссертации отражены в следующих **опубликованных работах автора:**

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК:

1. *Малькова И. Ю.* Грабеж по отечественному законодательству XVII – XIX // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов: Изд - во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2006. №6 (52). С.166 – 169. – (0, 43 п. л.).

Иные публикации:

2. *Малькова И. Ю.* Уголовно-правовая политика в сфере наказания за грабеж // Правовая политика и правовая жизнь: Академический и вузовский юридический научный журнал: Саратовский филиал государственного учреждения Института государства и права Российской академии наук. Саратов · М., 2007. №3 (28). С. 103 – 107. – (0,6 п. л.).

3. *Малькова И. Ю.* Грабеж: исторические корни и эволюция (краткий теоретико-исторический анализ). Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – (2,5 п. л.).

4. *Малькова И. Ю.* Актуальные проблемы ответственности за грабеж по уголовному законодательству стран ближнего зарубежья // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Матер. 4-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С.601 – 604. – (0, 3 п. л.).

5. *Малькова И. Ю.* Реализация принципа гуманизма в институте давности // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация:

правотворческий, правоприменительный уровни: Всерос. науч.-практ. конф. (28 – 29 марта 2005 г.): В 2-х ч. Ч.2. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. С.154 – 156. – (0, 15 п. л.).

6. *Малькова И. Ю.* Понятие грабежа в российском законодательстве: исторические корни // Судебные Ведомости: Журнал Краснодарского краевого суда, Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Краснодарском крае, Совета судей Краснодарского края, Арбитражного суда Краснодарского края и Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия. 2006. Вып. №3 (18 – 19). С. 79 – 80. – (0, 25 п. л.).